

Д. Е. Алимов

ИЗВЕСТИЯ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО О КРЕЩЕНИИ СЕРБОВ И ХОРВАТОВ В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ИРАКЛИЯ (610–641): ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

В статье рассматривается проблема интерпретации известий о крещении сербов и хорватов в правление византийского императора Ираклия (610–641), которые содержатся в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» (сер. X в.). Известия о крещении славянских народов в данном трактате были, по мнению автора, прежде всего результатом дискурсивного осмысления исторического опыта славянских политий из перспективы середины X в. Крещение хорватов и сербов, которыми Ираклий заселил земли, опустошенные аварами, определялось, согласно исторической схеме, отраженной в главах 29 и 31–36 трактата, их статусом подданных василевса, заместивших собою исчезнувших римлян. Ираклий, восстановивший власть империи над Далмацией, занимает здесь позицию, аналогичную той, что в этой же схеме занимают Диоклетиан, поселивший римлян в Далмации, и Василий I, вернувший Далмацию под контроль империи после временного отпадения славян. Исходя из этого, можно полагать, что мотивом, побудившим Константина Багрянородного придать Ираклию столь значимое место в повествовании об истории сербов и хорватов, было либо присутствие этого имени в традиции далматинских романцев (как в случае с Диоклетианом), либо знание о реальной политической активности императора в данном регионе (как в случае с Василием), либо и то и другое вместе.

Ключевые слова: сербы, хорваты, Далмация, Константин Багрянородный, Ираклий.

Трактат «Об управлении империей» (середина X в.) [Константин Багрянородный, 1991], представляющий собой уникальное, необычайно насыщенное информацией руководство по управлению страной, написанное византийским императором Константином VII Багрянородным для своего сына — будущего императора Романа II, по праву можно назвать энциклопедией политической, этнической, а до некоторой степени и социальной жизни «византийского мира» и его соседей X столетия. Как показал Р. Дж. Дженкинс, первоначальным ядром этого грандиозного произведения, соответствующим блоку глав с 14-й по 42-ю включительно, было сочинение «О народах», которое чуть позже было дополнено и переработано ученым императором в руководство по управлению государством [Constantine Porphyrogenitus, 1962, 1–8]. Соответственно своим задачам, трактат несет в себе обширный и разнообразный массив информации о народах, либо находившихся (с точки зрения ромеев) внутри границ империи, либо живших поблизости от нее и имевших контакты с Константинополем. Повествуя обо всех этих народах, император не только тщательно фиксировал современную ему или его ближайшим предшественникам на троне политическую ситуацию, а также характер их отношений с империей, но и подчас сообщал немало любопытных сведений о происхождении и раннем прошлом этих народов, что нередко

Денис Евгеньевич Алимов — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета (d.alimov@spbu.ru).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 17-01-00400 («Христианизация Балканского региона: прерывность и континуитет»).

побуждало венценосного историка давать более или менее подробные отсылки к тем областям «варварского» мира, которые лежали далеко за пределами сферы влияния Константинополя.

Главы трактата 29–36 получили в историографии условное название балканского (или далматинского) досье. В нем рассматриваются народы региона, расположенного в западной части Балканского полуострова и приблизительно соответствующего территории бывшей римской провинции Далмации. К этому региону относились византийская фема Далмация с центром в Задаре, узкой полосой протянувшаяся вдоль восточного побережья Адриатики¹, а также расположенные в его хинтерланде и охватывавшие гораздо более обширную территорию славянские княжества — Хорватия, Сербия, Пагания, Захумье, Травуния, Конавле и Дукля. Сведения, сообщаемые императором Константином об этих княжествах, давно стали основой для реконструкции ранней истории южных славян, в первую очередь сербов и хорватов. На информации трактата долгое время основывались историографические представления об обстоятельствах появления этих народов на Балканах, христианизации, истории их взаимоотношений с соседними странами и т. п. Начиная с XIX в. эти представления становились элементами складывавшихся хорватского и сербского национальных исторических нарративов, превратившись затем благодаря популярной исторической литературе и учебникам в достояние широкой публики.

Можно утверждать, что канонические варианты реконструкции ранней сербской и хорватской истории, основанные на сведениях трактата «Об управлении империей», сформировались главным образом в рамках позитивистской историографии второй половины XIX — первой половины XX в. И хотя в последующие десятилетия было сделано очень многое для уточнения тех или иных сведений, верификации гипотез и концепций, общее отношение к тексту как к *более или менее* адекватному отражению реальной истории сербов и хорватов древнейшего периода не претерпело существенных изменений. Правда, разброс мнений исследователей по отдельным вопросам мог быть весьма велик: например, одни историки могли полностью доверять рассказу императора о приходе хорватов и сербов на Балканы в правление Ираклия (610–641), в то время как другие — считать эту информацию тенденциозным искажением реальной истории в угоду византийским интересам в регионе². Принципиально, однако, что и в том и в другом случае присутствовал по сути одинаковый взгляд на данный источник как на *отражение* прошлого.

В соответствии с этим задача историка долгое время виделась в том, чтобы максимально полно верифицировать информацию трактата с помощью других источников, с целью выяснить, где именно трактат сообщает о прошлом правду, а где — в силу тех или иных причин — нет. Однако то очевидное обстоятельство, что далеко не все из сообщаемого ученым императором может быть проверено, приводило к тому, что в интерпретации некоторых известий стали доминировать субъективные установки конкретных исследователей, привыкших доверять или не доверять информации определенного рода. Аргументация при этом, по сути, сводилась к рассуждениям на уровне здравого смысла: в то время как апологеты ученого императора подчеркивали, что трактат создавался для внутренних нужд управления, а потому, по их мнению, не мог содержать в себе заведомо ложной информации, скептики указывали на тенденциозность в изображении истории народов, являвшихся, с точки зрения ромеев, издревле подвластными Константинополю, а потому сомневались чуть ли не во всем, что касалось тех сюжетов трактата, где подчеркивалась центральная роль империи в ранней истории сербов и хорватов.

Только в последние 10–15 лет, под влиянием пришедших в историческую науку постмодернистских подходов, исследователи стали подвергать критике традиционный

¹ Фема охватывала территории, населенные романскими жителями, включая крупные приморские города (Задар, Трогир, Сплит, Дубровник, Котор, Будва) и острова Кварнерского архипелага (Крк, Осор, Раб).

² Подробный обзор историографии см. в: [Lončar, 1992, 375–448; Ферјанчић, 1996, 117–150].

взгляд на трактат «Об управлении империей» как на своего рода историко-этнографический справочник, резервуар информации о прошлом «варварских» народов, которую можно использовать для реконструкции их древней истории. Результатом критики традиционных подходов стала постепенная выработка новой методологической позиции, в соответствии с которой предлагается осмыслять любые сведения трактата, в том числе те, которые относятся к ранней истории сербов и хорватов, во-первых, в тесной связи с целостным идейным замыслом трактата, подчиненным задачам репрезентации византийского имперского порядка [см.: Dzino, 2010a, 104–117], а во-вторых, в контексте отразившегося в трактате «социального знания» императорского двора [см.: Ančić, 2011, 230–252]³. Анализ «социального знания» при этом неотделим от анализа нашедших отражение в трактате социальных дискурсов, то есть свойственных данной эпохе и данной социокультурной среде конкретных способов осмысления и структурирования социальной реальности. При этом ввиду того, что источники, использованные императором, были весьма разнообразны и среди них, несомненно, присутствовали элементы так называемого локального знания (к примеру, этногенетические мифы «варварских» народов) [см.: Dzino, 2014, 89–104], рассмотрение нашедших отражение в трактате социальных дискурсов естественным образом выходит за рамки анализа мировоззрения самого императора или окружавших его людей, превращаясь по существу в рассмотрение тех способов мышления и описания реальности, которые были свойственны различным социокультурным средам, объединяя или, напротив, разделяя между собой людей той эпохи.

Отталкиваясь от этих методологических принципов, современные исследователи все чаще рассматривают содержащиеся в трактате «Об управлении империей» рассказы о ранней истории сербов и хорватов не столько как отражение их реальной истории, сколько как результаты конструирования истории этих народов в соответствии с лежавшими перед их автором задачами повествования [см.: Todorov, 2008, 64–72; Dzino, 2010b, 153–165]. Лично нам подобный подход представляется верным, хотя бы потому, что написание истории всегда связано с преодолением хаоса, отбором сюжетов, установлением связи между ними и т. п. Именно поэтому предлагаемый современными исследователями подход к анализу известий трактата позволяет глубже почувствовать ментальную дистанцию, отделяющую нас от людей, живших тысячу лет назад, и в силу этого лучше понять характерные для них способы структурирования социальной реальности, сопоставив их с теми, которыми мы пользуемся сегодня. Все сказанное является особенно актуальным при рассмотрении тех известий трактата, в которых сообщается о христианизации южных славян, однако до сих пор в историографии почти не было целенаправленных попыток взглянуть на эти известия под новым углом зрения. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

В рамках далматинского досье содержится сразу несколько известий о христианизации южных славян, причем в двух из них — в главах 31 и 32, посвященных соответственно хорватам и сербам, — сообщается о крещении этих народов в правление императора Ираклия (610–641). В 31-й главе сообщение о крещении хорватов помещено сразу вслед за известием о том, как хорваты, победив господствовавших в Далмации аваров, некогда изгнавших отсюда римлян, завладели этой провинцией «по воле василевса»: «Когда упомянутые римляне были прогнаны аварами, в дни того же василевса Ираклия, их земли остались пустыми. Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне. Хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порги. Василевс Ираклий, отправив [посольство], приведя священников из Рима и избрав из них архиепископа, епископа, пресвитеров и диаконов, крестил хорватов. Тогда у этих хорватов архонтом был уже Порга» [Константин Багрянородный, 1991, 137]⁴.

³ О понятии «социального знания» см.: [Эксле, 2007, 23–38].

⁴ «Παρὰ δε τῶν Ἀβάρων ἐκδιουθέντες οἱ αὐτοὶ Ῥωμαῖοι ἐν ταῖς ἡμέραις τοῦ αὐτοῦ βασιλέως Ῥωμαίων, Ἰρακλείου, αἱ τούτων ἔρημοι καθεστήκασιν χώραι. Προστάξει οὖν τοῦ

Крещение сербов описывается в 32-й главе похожим образом. Соответствующее известие помещено сразу вслед за описанием переселения сербов на Балканы, в ходе которого земля для поселения им — так же как и хорватам — предоставил император Ираклий: «Поскольку нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна захлумов, Тервуния и страна каналитов были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались безлюдными из-за аваров (они ведь изгнали оттуда римлян, живущих в теперешней Далмации и Диррахии), то василевс и поселил означенных сербов в этих странах. Они были подвластны василевсу ромеев, который, приведя пресвитеров из Рима, крестил их и, обучив их хорошо совершать дела благочестия, изложил им веру христианскую» [Константин Багрянородный, 1991, 141, 143]⁵.

В 29-й главе, посвященной Далмации и являющейся своего рода вступлением к «Повествованию о хорватах и сербах» (как именуется в самом трактате главы 31–36)⁶, говорится об отпадении славянских народов — хорватов, сербов, захумлян, травунян, конавлян, дуклян и неретвлян — от власти империи в правление ряда последующих императоров, особенно Михаила II Травла (820–829). Примечательно, что, сообщив об этом, император тут же добавляет: «Помимо этого, большинство этих славян не было крещено, и долгое время они оставались нехристиами. При христоробивом василевсе Василии они отправили апокрисиариев, прося и умоляя его о том, чтобы некрещенные из них были крещены и они были бы, как и поначалу, подвластными василевсу ромеев. Выслушав их, блаженный сей и приснопамятный василевс послал василика вместе с иереями и крестил их всех, кто оказался из упомянутых выше народов некрещеными» [Константин Багрянородный, 1991, 113, 115]⁷. В этой же главе далее содержится отдельное известие о крещении в правление Василия I (867–886) «паганов» (неретвлян), которые, по словам императора-историка, именовались «паганами» потому, что долгое время оставались некрещеными [Константин Багрянородный, 1991, 115]⁸.

Особняком стоит информация 30-й главы, которая, так же как и 31-я, посвящена истории хорватов, но, в отличие от нее и остальных глав, составляющих «Повествование о хорватах и сербах», была внесена в трактат позже — между 955 и 973 гг.⁹

βασιλέως Ἰρακλείου οἱ αὐτοὶ Χρῳάβοι καταπολεμήσαντες καὶ ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε τοὺς Ἐβάρους ἐκδιώξαντες, Ἰρακλείου τοῦ βασιλέως κελεύσει ἐν τῇ αὐτῇ τῶν Ἐβάρων χώρα, εἰς ἣν νῦν οἰκοῦσιν, κατεσκήνωσαν. Εἶχον δε οἱ αὐτοὶ Χρῳάβοι τῷ τότε καιρῷ ἄρχοντα τὸν πατέρα τοῦ Ποργᾶ. Ὁ δε βασιλεὺς Ἰρακλείος ἀποστείλας καὶ ἀπὸ Ῥώμης ἀγαγὼν ἱερεῖς καὶ ἐξ αὐτῶν ποιήσας ἀρχιεπίσκοπον καὶ ἐπίσκοπον καὶ πρεσβυτέρους καὶ διακόνους, τοὺς Χρῳάβους ἐβάπτισεν· εἶχον δε τῷ τότε καιρῷ οἱ τοιοῦτοι Χρῳάβοι ἄρχοντα τὸν Ποργᾶ» [Константин Багрянородный, 1991, 136]. Вариант имени архонта в переводе Г. Г. Литаврина (Порг) заменен нами вариантом (Порга), устоявшимся в историографии.

⁵ «Καὶ ἐπειδὴ ἡ νῦν Σερβλία καὶ Παγανία καὶ ἡ ὀνομασθεῖσα Ζαχλούμων χώρα καὶ Τερβουνία καὶ ἡ τῶν Καναλιτῶν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων ὑπῆρχον, ἐγένοντο δε αἱ τοιαῦται χώραι ἔρημοι παρὰ τῶν Ἐβάρων (ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε γὰρ Ῥωμάνους τοὺς νῦν Δελματίαν καὶ τὸ Δυρράχιον οἰκοῦντας ἀπέλασαν), {καὶ} κατεσκήνωσεν ὁ βασιλεὺς τοὺς αὐτοὺς Σέρβλους ἐν ταῖς τοιαύταις χώραις, καὶ ἦσαν τῷ βασιλεῖ Ῥωμαίων ὑποτασσόμενοι, οὗς ὁ βασιλεὺς πρεσβύτας ἀπὸ Ῥώμης ἀγαγὼν ἐβάπτισεν, καὶ διδάξας αὐτοὺς τὰ τῆς εὐσεβείας τελεῖν καλῶς, αὐτοῖς τὴν τῶν Χριστιανῶν πίστιν ἐξέθετο» [Константин Багрянородный, 1991, 140, 142].

⁶ О соотношении друг с другом глав далматинского досье см.: [Ančić, 2010, 142–144].

⁷ «Ἐπὶ δε Βασιλείου, τοῦ φιλοχρίστου βασιλέως, ἀπέστειλαν ἀποκρισιариους, ἐξαιτούμενοι καὶ παρακαλοῦντες αὐτὸν τοὺς ἐξ αὐτῶν ἄβαπτιστους βαπτισθῆναι καὶ εἶναι, ὡς τὸ ἐξ ἀρχῆς ὑποτεταγμένους τῇ βασιλείᾳ τῶν Ῥωμαίων, ὧντινων εἰσακούσας ὁ μακάριος ἐκεῖνος καὶ αἰοίδιμος βασιλεὺς, ἐξἀπέστειλεν βασιλικὸν μετὰ καὶ ἱερέων, καὶ ἐβάπτισεν αὐτοὺς πάντας τοὺς τῶν προρρηθέντων ἐθνῶν ἄβαπτιστους τυγχάνοντας...» [Константин Багрянородный, 1991, 112, 114].

⁸ В 36-й главе, специально посвященной «паганам», говорится об их происхождении от сербов, а название «паганы» объясняется тем, что они не были крещены тогда, когда были крещены «все сербы» [Константин Багрянородный, 1991, 153].

⁹ О датировке 30-й главы см. подробно: [Lončar, 1992, 377–390].

В этой главе, основанной, как уже давно признано в историографии, на исторической традиции самих хорватов¹⁰, при описании как переселения, так и крещения хорватов никакому византийский император не фигурирует вовсе. Согласно 30-й главе, хорваты самостоятельно переселились в Далмацию, вступив в войну с господствовавшими здесь аварами. Победив аваров и заняв Далмацию, хорваты, по сообщению 30-й главы, некоторое время пребывали под франкским господством, от которого затем освободились в результате победоносной войны, когда их «архонтом» был некий Порин. Только после этого, став «самовластными и независимыми», хорваты отправили посольство в Рим и приняли оттуда крещение [Константин Багрянородный, 1991, 133].

Начиная с эпохального исследования Б. Графенауэра, посвященного разбору свидетельств трактата «Об управлении империей» о ранней истории сербов и хорватов [Grafenauer, 1952, 1–56], в историографии в целом возобладало скептическое отношение к информации об их крещении в правление Ираклия. Недоверие к этим известиям было обусловлено не только отсутствием сведений об этом крещении в других письменных источниках и нехваткой зримых подтверждений столь ранней христианизации в археологических материалах, но и утвердившимся в историографии восприятием рассказа об истории хорватов, содержащегося в 30-й главе, в качестве более достоверной версии событий, свободной от «провизантийской тенденциозности». Проявлением такого рода тенденциозности в версиях хорватской и сербской истории, содержащихся соответственно в 31-й и 32-й главах, исследователи считали то, что в них центральная роль не только в крещении, но и в самом поселении хорватов и сербов на Балканах приписывалась императору, хотя известно, что после аварского вторжения Константинополь не располагал возможностью диктовать свою волю славянам Далмации¹¹.

От такого подхода к соотношению двух разных версий истории хорватов было недалеко до заключения, что Константин Багрянородный отнес к эпохе Ираклия события, произошедшие в действительности гораздо позднее. Так, в историографии даже появилась гипотеза, согласно которой хорваты переселились в Далмацию лишь в конце VIII в. [см.: Margetić, 1977, 5–88]. Такому выводу особенно способствовало ставшее популярным среди историков отождествление «архонта» Порги из 31-й главы с Порином из 30-й главы, имя которого уже давно предлагалось рассматривать как искаженный вариант имени князя Борны (ок. 818–821), хорошо известного по франкским источникам [см.: Grafenauer, 1952, 26–27; Margetić, 1977, 21–22]. Отнесение крещения хорватов ко времени правления Борны казалось тем более логичным, что, судя по археологическим данным, с рубежа VIII–IX вв. в Далмации существовало сильное франкское церковное влияние, которое обычно интерпретировалось в историографии как христианизация хорватов франкскими миссионерами. Естественно, что подобный подход к информации 31-й главы о переселении и крещении хорватов неминуемо предполагал аналогичную интерпретацию известий 32-й главы о переселении и крещении сербов.

Между тем результаты новейших исследований рассказа 30-й главы о ранней истории хорватов позволяют внести существенные коррективы в описанный выше подход к соотношению известий 30-й и 31-й глав. Прежде всего необходимо отметить, что в случае с изложением истории хорватов в 30-й главе мы имеем дело с этногенетическим мифом, подобным тем, что существовали у многих народов раннего Средневековья. Сравнительно-историческое изучение таких мифов позволило обнаружить во многих из них весьма схожие мотивы. Так, наряду с мотивами исхода с территории некой «прародины» и победы над могущественным врагом (каковым в хорватской традиции являлись авары и франки) в них мог присутствовать и мотив смены религии [Wolfram, 1995, 40–53]. Рассмотрение этих мотивов в историко-антропологическом

¹⁰ По мнению М. Анчича, включение в трактат «собственно хорватской» версии хорватской истории было связано с признанием Константинополем нового политического статуса Хорватии, приобретенного ею в правление Стефана Держислава (969–997) [Ančić, 2010, 143–147].

¹¹ См. обзор историографии: [Antunović, Gračanin, 2012, 20–27].

контексте позволяет интерпретировать их как элементы, с помощью которых дискурсивно и идеологически структурировался социально-политический опыт того или иного раннесредневекового «народа», то есть «гентильного» (этнополитического) организма, нуждавшегося в легитимации посредством апелляции к прошлому.

Соответственно, хорватская историческая традиция, отразившаяся в тексте 30-й главы, является характерным примером структурно организованного, легитимировавшего этнополитическую общность мифа, чья картина прошлого должна была соответствовать идеологии и «социальному знанию» хорватской гентильной элиты середины X в. [подробнее см.: Алимов, 2016, 136–162]. Осмысление содержащегося в 30-й главе рассказа о переселении и крещении хорватов в рамках такой интерпретационной модели позволяет иначе взглянуть и на такую центральную для данного рассказа фигуру, как архонт Порин. Так, отнюдь не кажется фантастическим предложенное А. Милошевичем отождествление этого персонажа с богом Перуном, так как роль, отводимая Порину в хорватском мифе, находит аналогии в роли, которая в похожих германских легендах приписывалась богу Одину [см.: Milošević, 2013, 127–134; Алимов, 2016, 190–197].

Интерпретация версии раннего хорватского прошлого, изложенной в 30-й главе, как структурно организованного мифа с неизбежностью заставляет подобным же образом отнестись и к сведениям 31-й и 32-й глав, в которых рассказывается о переселении и крещении хорватов и сербов. Так, если в рамках прежней интерпретационной модели сходство элементов рассказов 30-й и 31-й глав (архонт Порга/Порин, крещение из Рима) объяснялось исходя из предполагаемого отражения в них реальных событий, то теперь это сходство может и должно рассматриваться как свидетельство присутствия в них единых принципов дискурсивного структурирования социального опыта, побуждавшего, в частности, представлять продолжительный процесс христианизации в качестве одномоментного «крещения». Рационально объяснить это единство можно только тем, что в основе рассказа 31-й главы о раннем прошлом хорватов также лежала хорватская традиция, которая, в отличие от версии, зафиксированной в 30-й главе, предстала здесь в своеобразной византийской обработке, с добавлением «организующей роли» византийского императора [см.: Dzino, 2010, 160]. Принятие этого важного положения в качестве отправной точки для дальнейшего анализа, позволяя снять вопрос о «крещении хорватов» (а по аналогии также и о «крещении сербов») как о реальном событии, побуждает задаться иным вопросом: почему в создаваемом ученым императором историческом нарративе это «событие» оказалось связанным именно с Ираклием? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо определить, какую роль такая дискурсивно-нарративная конструкция, как «крещение народа», играла в создаваемом императором Константином историческом нарративе.

Из содержания «Повествования о хорватах и сербах» вытекает, что первым устройтелем имперского порядка в Далмации был император Диоклетиан: Далмация стала владением ромеев с тех самых пор, как этот правитель поселил здесь римлян [Константин Багрянородный, 1991, 111, 149, 151, 153]. Впоследствии римская власть в Далмации пала вследствие вторжения аваров: узурпаторы-авары изгнали римлян из Далмации, вследствие чего она стала пустой и безлюдной страной [Константин Багрянородный, 1991, 137, 141, 149, 153]. Восстановление римского господства и повторное заселение Далмации Константин Багрянородный напрямую связывает с именем Ираклия, который освобождает Далмацию от узурпаторов-аваров руками хорватов [Константин Багрянородный, 1991, 137], а на остальных землях, оставшихся пустыми из-за аваров, поселяет сербов [Константин Багрянородный, 1991, 141]. Как видно, хорваты и сербы, с водворением которых в Далмации был восстановлен прежний порядок, наделяются в «Повествовании о хорватах и сербах» функцией, аналогичной функции римлян, приведенных в Далмацию из Рима Диоклетианом, ведь, как и римляне, хорваты и сербы предстают в трактате верными подданными василевса ромеев. В этой связи крещение хорватов и сербов, последовавшее сразу после поселения в Далмации этих народов, трудно трактовать иначе как превращение «варваров»

в субститут исчезнувших римлян: крещение хорватов и сербов было, таким образом, неотделимо от их статуса подданных империи.

Правда, согласно исторической схеме императора Константина, вторжение аваров стало не единственным испытанием для власти ромеев в Далмации. Новой проблемой стало описываемое в 29-й главе отпадение славян от империи при Михаиле II, после которого имперский порядок пришлось восстанавливать уже деду Константина Багрянородного — Василию I. Обращает на себя внимание использованная при описании этих событий формулировка «большинство этих славян (οἱ πλείονες τῶν τοιοῦτων Σκλάβων) не было крещено». В свете информации 32-й главы, где сообщается о том, как Ираклий крестил «всех сербов»¹², наличие подобной формулировки в 29-й главе может создать у современного читателя впечатление, что Константин Багрянородный, описывая ситуацию с христианизацией, руководствовался степенью распространения христианства в «народных массах», что, конечно, не соответствует этническому дискурсу эпохи [Ančić, 2011, 242–244; Živković, 2013, 36]. Однако вопрос снимается при обращении к другому произведению, вышедшему из-под пера императора Константина — «Жизнеописанию Василия», где также содержится описание восстания славян против власти ромеев. О восставших славянах здесь говорится следующее: «А большая их часть впала в отступничество еще большее и отреклась от Божественного Крещения, так что уж не было у них больше залогов дружбы и служения ромеям» [Продолжатель Феофана, 1992, 185–186]. Думается поэтому, что двусмысленное выражение «большинство этих славян» можно интерпретировать как результат трудностей, с которыми столкнулся венценосный историк в своем стремлении «разделить» крещение славян между двумя императорами — Ираклием и Василием. Для нас в данном случае важно то, что в рамках такой нарративной стратегии славяне, потеряв статус подданных василевса, почти автоматически прекратили быть христианами.

Таким образом, в рамках созданного ученым императором исторического нарратива — повествования об истории сербов и хорватов — крещение тех или иных народов являлось необходимым атрибутом признания за ними статуса подданных Константинополя. Из этого следует, что если мы хотим ответить на вопрос, почему в трактате императора Константина крещение сербов и хорватов приписывается именно Ираклию, то мы не можем отделять сюжет с крещением от ясно обозначенной в данном нарративе роли Ираклия как восстановителя имперского порядка в Далмации. Учитывая, что Ираклий играет в исторической схеме императора Константина роль, аналогичную роли Диоклетиана и Василия I, то для ответа на вопрос о причинах, побудивших ученого императора связать с Ираклием важнейшую веху в истории Далмации, может быть полезным знание мотивов, которыми руководствовался венценосный историк, наделяя подобной ролью двух других императоров.

К счастью, в случае с Диоклетианом и Василием мотивы эти вырисовываются достаточно отчетливо. Так, имя Диоклетиана было элементом «локального знания» романских жителей фемы Далмации: память об императоре сохранялась благодаря построенному им огромному дворцу, в стенах которого разместился средневековый город Сплит [Dzino, 2010a, 111–115]. В Сплите, как предполагается, хранился и некий письменный источник, повествовавший о Диоклетиане и, возможно, использованный при составлении трактата «Об управлении империей» [Basić, 2012, 175–196]. Иной, не связанной с «локальным знанием», по-видимому, была ситуация с Василием I: из «Тактики» Льва VI Мудрого (886–912) императору Константину было известно об установлении Василием прочного контроля над славянами, сопровождавшегося обращением их в христианство. Примечательно, однако, что славянами, которых привел к покорности дед императора Константина, были не сербы и не хорваты, а славянские жители Греции [Коматина, 2014, 283–285]. Контроль же империи

¹² Неретвлян, захумлян, травуниан и конавлян император Константин считал происходящими от сербов [Константин Багрянородный, 1991, 149, 151, 153].

над славянскими княжествами в хинтерланде Далмации был эпизодическим и ограничивался разовыми, не имевшими серьезных последствий акциями (экспедиция 870 г., приход к власти в Хорватии Здеслава в 878 г.). Таким образом, в трактате императора Константина разрозненные свидетельства об активности Василия в разных областях Балкан были сведены в не соответствовавшую исторической реальности картину, в которой Василий предстал в качестве распорядителя политических судеб и крестителя всех славянских народов, ранее отпавших от империи [Коматина, 2014, 261–285; ср.: Živković, 2012, 116; Živković, 2013, 33–53].

Исходя из этого, можно думать, что Ираклий мог приобрести аналогичную роль на страницах трактата как в результате возможного присутствия этого имени в памяти романских жителей Далмации, так и вследствие наличия у Константина Багрянородного информации о политической деятельности Ираклия в регионе. Обращение к имеющемуся в нашем распоряжении материалу источников позволяет поддержать обе версии. Так, сопоставив информацию венецианских хроник XI–XII вв., в которых именно Ираклию приписывается роль организатора политической и религиозной жизни на островах венецианской лагуны, с известиями об Ираклии в трактате императора Константина, Н. Будак высказал убедительную гипотезу о существовании общей для венецианцев и далматинских романцев исторической традиции об Ираклии, в которой отразилась память об усилиях этого императора по поддержанию византийского присутствия на северных окраинах Равеннского экзархата в период натиска на империю лангобардов и аваров [Budak, 1994, 64–65]. Едва ли можно пройти и мимо того факта, что в правление Ираклия союзником империи стал оногурский вождь Куврат, изгнавший, по сообщению «Бревиария» патриарха Никифора, из своих владений аваров [Чичуров, 1980, 161]. Если учесть, что политики хорватов и сербов также складывались на окраинах Аварского каганата, то вовлеченность имперской дипломатии в установление контактов с местными элитами кажется вполне вероятной, а сходство имен Куврата, именуемого Кроватом в «Хронографии» Феофана Исповедника [Чичуров, 1980, 61], и этнонима «хорват/хрват» (первоначально, возможно, имевшего социальное значение) может указывать на взаимосвязь процессов, протекавших на окраинах каганата в 630-е гг., когда в его ядре, расположенном в Карпатской котловине, происходил внутренний конфликт [подробнее см.: Алимов, 2016, 162–182]¹³.

Итак, несмотря на то, что мы не можем считать описываемое императором Константином «крещение» хорватов и сербов реальным историческим событием, все указывает на то, что в самом придании Ираклию роли крестителя этих народов наличествовала определенная логика. Обращение к этой логике в очередной раз убеждает в некорректности популярных ранее в историографии оценок южнославянских сюжетов трактата «Об управлении империей» либо как честной фиксации реальных событий, происходивших на окраинах империи, либо как результатов тенденциозного искажения реальной истории «варваров» в угоду интересам Константинополя. В рассмотренных сообщениях далматинского досье император Константин выступает прежде всего как добросовестный историк, стремившийся описать христианизацию сербов и хорватов в дискурсивных категориях своего времени, с использованием доступных ему скудных и разнородных данных, то есть стремившийся действовать так, как действует любой историк, столкнувшийся с задачей создания связного и понятного своим современникам повествования о далеком и малознакомом прошлом.

¹³ По мнению Ф. Курты, роль, отводимая Ираклию в трактате «Об управлении империей», объясняется тем, что в 626 г. авары потерпели эпохальное поражение под Константинополем [Curta, 2010, 132]. Возможно, этот мотив тоже имел какое-то значение, хотя едва ли он был решающим.

Источники и литература

1. Алимов (2016) — *Алимов Д. Е.* Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб., 2016.
2. Коматина (2014) — *Коматина П.* Црквена политика Византије од краја иконоборства до смрти цара Василија I. Београд, 2014.
3. Константин Багрянородный (1991) — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; пер. Г. Г. Литаврина. 2-е изд. М., 1991.
4. Продолжатель Феофана (2013) — *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Пер., статья, комм. Я. Н. Любарского. СПб., 1992.
5. Ферјанчић (1996) — *Ферјанчић Б.* Долазак Хрвата и Срба на Балканско полуострво (Осврт на нова тумачења) // Зборник радова Византолошког интитута. 1996. Књ. 35. С. 117–150.
6. Чичуров (1980) — *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
7. Эклсе (2007) — *Эклсе О. Г.* Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. и предисл. Ю. Арнаутовой. М., 2007.
8. Ančić (2010) — *Ančić M.* Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela *De administrando imperio* // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest.* 2010. Knj. 42. S. 133–152.
9. Ančić (2011) — *Ančić M.* Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo *De administrando imperio* // *Hum i Hercegovina kroz povijest.* Zbornik radova. Knj. I / Ur. I. Lučić. Zagreb, 2011. S. 217–278.
10. Antunović, Gračanin (2012) — *Antunović Z., Gračanin H.* Bizantski car Heraklije I. u hrvatskoj historiografiji // *Povijesni prilozi.* 2012. Sv. 43. S. 9–30.
11. Basić (2012) — *Basić I.* Neka pitanja tekstualne transmisije izvora Porfirogenetovih poglavlja o Dalmaciji // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest.* 2012. Knj. 44. S. 175–196.
12. Budak (1994) — *Budak N.* Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb, 1994.
13. Constantine Porphyrogenitus (1962) — *Constantine Porphyrogenitus.* *De administrando imperio.* Vol. II: Commentary / Ed. by R. J. H. Jenkins. London, 1962.
14. Curta (2010) — *Curta F.* Emperor Heraclius and the conversion of the Croats and Serbs // *Medieval Christianitas. Different Regions, «Faces», Approaches* / Ed. by Ts. Stepanov and G. Kazakov. Sofia, 2010. P. 121–138.
15. Dzino (2010a) — *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. Leiden; Boston, 2010.
16. Dzino (2010b) — *Dzino D.* Pričam ti priču: ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u *De administrando imperio* // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest.* 2010. Knj. 42. S. 153–165.
17. Dzino (2014) — *Dzino D.* Local knowledge and wider contexts: stories of the arrival of the Croats in *De Administrando Imperio* in the past and present // *Byzantium, its neighbours and its cultures* / Ed. by D. Dzino and K. Parry. Sydney, 2014. P. 89–104.
18. Grafenauer (1952) — *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenu Hrvata // *Historijski zbornik.* 1952. God. V. Br. 1–2. S. 1–56.
19. Lončar (1992) — *Lončar M.* Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // *Diadora.* 1992. Sv. 14. S. 375–448.
20. Margetić (1977) — *Margetić L.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // *Zbornik Historijskog zavoda JAZU.* Zagreb, 1977. Vol. 8. S. 5–88.
21. Milošević (2013) — *Milošević A.* Tko je Porin iz 30. glave *De administrando imperio*? // *Starohrvatska prosvjeta.* Ser. III. 2013. Sv. 40. S. 127–134.
22. Todorov (2008) — *Todorov B.* Byzantine myths of origins and their functions // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 2(4). С. 64–72.
23. Wolfram (1995) — *Wolfram H.* Razmatranja o *Origo gentis* // *Etnogeneza Hrvata* / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 40–53.
24. Živković (2012) — *Živković T.* *De Conversione Croatorum et Serborum: a Lost Source.* Belgrade, 2012.

25. Živković (2013) – Živković T. On the baptism of the Serbs and Croats in the time of Basil I (867–886) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1(13). C. 33–53.

Denis Alimov. Constantine Porphyrogenitus's Accounts of the Conversion of the Serbs and Croats under Emperor Heraclius (610–641): a Problem of Interpretation.

Abstract: The article is devoted to the interpretation of the accounts about the baptism of Croats and Serbs during the reign of the Byzantine Emperor Heraclius (610-641), which are contained in the treatise of Constantine Porphyrogenitus *On the Administration of the Empire* (middle of the 10th century). The account of the baptism of the Slavic peoples in this treatise was, in the author's opinion, primarily a result of a discursive interpretation of the historical experience of the Slavic polities from the perspective of the mid-tenth century. The baptism of Croats and Serbs, whom Heraclius settled on the lands devastated by the Avars, was determined, according to the historical scheme reflected in chapters 29 and 31–36 of the treatise, by their status as subjects of the basileus. Heraclius, who restored the authority of the Empire over Dalmatia, occupies in this scheme a position similar to that occupied by Diocletian, who settled the Romans in Dalmatia, and Basil I, who returned Dalmatia to the control of the Empire after the temporary falling away of the Slavs. Given this, it can be assumed that the motive that prompted Constantine Porphyrogenitus to give Heraclius such a significant place in the story of the history of Serbs and Croats was either the presence of this name in the tradition of Dalmatian Romans (as in the case of Diocletian) or knowledge of the real political activity of the Emperor in this region (as in the case of Basil), or both.

Keywords: Serbs, Croats, Dalmatia, Constantine Porphyrogenitus, Heraclius.

Denis Evgen'evich Alimov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History of Slavic and Balkan States at St. Petersburg State University (d.alimov@spbu.ru).

Sources and References

1. Alimov (2016) – Alimov D. E. *Etnogenez khorvatov: Formirovaniye khorvatskoy etnopoliticheskoj obshchnosti v VII–IX vv.* [*Ethnogenesis of the Croats: the formation of the Croat ethnopolitical community in the 7th–9th centuries*]. Saint-Petersburg, 2016. (In Russian).
2. Komatina (2014) – Komatina P. *Crkvena politika Vizantije od kraja ikonoborstva do smrti cara Vasilija I* [*Church policy of Byzantium from the end of Iconoclasm to the death of Emperor Basil I*]. Beograd, 2014. (In Serbian).
3. Konstantin Bagryanorodnyy (1991) – Konstantin Bagryanorodnyy. *Ob upravlenii imperiyey* [Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*]. Ed. by G. G. Litavrin, A. P. Novosel'tsev; transl. by G. G. Litavrin. 2nd ed. Moscow, 1991. (Russian translation).
4. Prodolzhatel' Feofana (2013) – Prodolzhatel' Feofana. *Zhizneopisaniya vizantiyskikh tsarey* [*Continuator of Theophanes. Lives of Byzantine Emperors*]. Transl. by Ya. N. Lyubarskiy. Saint-Petersburg, 2013. (Russian translation).
5. Ferjančić (1996) – Ferjančić B. Dolazak Hrvata i Srba na Balkansko poluostrvo (Osvrt na nova tumačenja) [Arrival of the Croats and Serbs to the Balkan peninsula (A review of novel interpretations)]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 1996, 35, pp. 117–150. (In Serbian).
6. Chichurov (1980) – Chichurov I. S. *Vizantiyskiye istoricheskie sochineniya: «Khronografiya» Feofana, «Breviariy» Nikifora* [*Byzantine historical works: The Chronography by Theophanes and The Breviary by Nicephoros*]. Moscow, 1980. (In Russian).
7. Экле (2007) – Oexle O. G. *Deystvitel'nost' i znanie: ocherki sotsial'noy istorii Srednevekov'ya* [*Reality and knowledge: essays on the social history of the Middle Ages*]. Transl. by Yu. Arnautova. Moscow, 2007. (In Russian).

8. Ančić (2010) – Ančić M. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela *De administrando imperio* [Imagining the tradition: the time and circumstances of the creation of the 30th chapter of the treatise *De administrando imperio*]. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*, 2010, 42, pp. 133–152. (In Croatian).
9. Ančić (2011) – Ančić M. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo *De administrando imperio* [Early medieval Narentines or Chulmians: tracing the confusion caused by the treatise *De administrando imperio*]. *Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova [Chulmia and Herzegovina through the ages. Collection of Works]*. Ed. by I. Lučić. Zagreb, 2011, vol. I, pp. 217–278. (In Croatian).
10. Antunović, Gračanin (2012) – Antunović Z., Gračanin H. Bizantski car Heraklije I. u hrvatskoj historiografiji [Byzantine Emperor Heraclius I in Croatian historiography]. *Povijesni prilozi*, 2012, 43, 9–30. (In Croatian).
11. Basić (2012) – Basić I. Neka pitanja tekstualne transmisije izvora Porfirogenetovih poglavlja o Dalmaciji [Some issues concerning the textual transmission of Porphyrogenitus' sources for the chapters on Dalmatia]. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*, 2012, 44, pp. 175–196.
12. Budak (1994) – Budak N. *Prva stoljeća Hrvatske [First Centuries of Croatia]*. Zagreb, 1994. (In Croatian).
13. Constantine Porphyrogenitus (1962) – Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio. Vol. II: Commentary*. By F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. London, 1962.
14. Curta (2010) – Curta F. Emperor Heraclius and the Conversion of the Croats and Serbs. *Medieval Christianitas. Different Regions, «Faces», Approaches*. Ed. by Ts. Stepanov and G. Kazakov. Sofia, 2010, pp. 121–138.
15. Dzino (2010a) – Dzino D. *Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia*. Leiden; Boston, 2010.
16. Dzino (2010b) – Dzino D. Pričam ti priču: ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u *De administrando imperio* [I'll tell you a story: ideological-narrative discourses on the migration of the Croats in the *De administrando imperio*]. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*, 2010, 42, pp. 153–165. (In Croatian).
17. Dzino (2014) – Dzino D. Local Knowledge and Wider Contexts: Stories of the Arrival of the Croats in *De Administrando Imperio* in the Past and Present. *Byzantium, its Neighbours and its Cultures*. Ed. by D. Dzino and K. Parry. Sydney, 2014, pp. 89–104.
18. Grafenauer (1952) – Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata [A contribution to the critical analysis of Constantine Porphyrogenitus' accounts on the arrival of the Croats]. *Historijski zbornik*, 1952, V, 1–2, pp. 1–56. (In Croatian).
19. Lončar (1992) – Lončar M. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature [Migration of the Croats according to Porphyrogenitus in light of the new literature]. *Diadora*, 1992, 14, pp. 375–448. (In Croatian).
20. Margetić (1977) – Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata [Constantine Porphyrogenitus and the date of the Croat arrival]. *Zbornik Historijskog zavoda JAZU*, 1977, 8, pp. 5–88. (In Croatian).
21. Milošević (2013) – Milošević A. Tko je Porin iz 30. glave *De administrando imperio*? [Who is Porin from the 30th Chapter of the *De administrando imperio*?]. *Starohrvatska prosvjeta*, ser. III, 2013, 40, pp. 127–134. (In Croatian).
22. Todorov (2008) – Todorov B. Byzantine myths of origins and their functions. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2008, 2 (4), pp. 64–72.
23. Wolfram (1995) – Wolfram H. Razmatranja o origo gentis [Reflections on origo gentis]. *Etnogeneza Hrvata [Ethnogeny of the Croats]*. Ed. by N. Budak. Zagreb, 1995, pp. 40–53. (In Croatian).
24. Živković (2012) – Živković T. *De Conversione Croatorum et Serborum: a Lost Source*. Belgrade, 2012.
25. Živković (2013) – Živković T. On the baptism of the Serbs and Croats in the time of Basil I (867–886). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2013, 1(13), pp. 33–53.